

В зале групповой терапии царила звенящая тишина. Юнь Мэнцзэ попытался выбраться из этого двусмысленного положения, однако Фэн Дунъюэ держал его мёртвой хваткой. Более того, от него исходила такая тяжёлая, властная аура, что любое сопротивление казалось бесполезным.

— На нас все смотрят, это выглядит неуместно, — тихо произнёс Юнь Мэнцзэ. — Отпусти меня, сядем и поговорим.

На этот раз Фэн Дунъюэ не намеревался уступать. Он лишь сильнее сжал объятия, притянув врача к себе:

— Чего ты боишься? Пусть все знают: ты принадлежишь мне.

И какой смысл объявлять об этом палате психов?

Юнь Мэнцзэ не жаловал подобные физические контакты, поэтому с трудом возразил:

— Какое ещё «принадлежишь»? Я твой лечащий врач.

Фэн Дунъюэ впился в него пристальным, глубоким взглядом:

— Ты помнишь день нашей первой встречи? Тогда валил густой, тяжёлый снег...

Юнь Мэнцзэ слегка прищурился:

— «Снег выпадал так глубоко, укрывал землю так поэтично»?

— ... Я был отравлен, — не смутившись, продолжил Фэн Дунъюэ. — Если бы ты случайно не проходил мимо и не спас меня, я бы давно отправился к праотцам. Посему я всегда знал: наша встреча predetermined небесами.

Князь Ци — типичный властный правитель из дешёвых романов. Наследник императорской крови, пусть и от побочной линии, с детства обделённый вниманием. Впрочем, трон его не интересовал — он жаждал лишь вершин боевых искусств. Невероятный гений, под руководством таинственного мастера преодолевший предел Небесного Данма и ступивший на пик боевого древа. Годами удерживая край Цзилин и отражая набеги иномировых демонов, он снискал славу Бога Войны.

Гуань Тун, щеголявший своими двумя хвостиками, не удержался и прыснул:

— Пф-ф!

Ну и нарцисс, братан, тебе самому от себя не тошно?

Фэн Дунъюэ смерил его презрительным взглядом, списав эту реакцию на зависть одинокого неудачника.

Цзилин находился на самом севере Девяти Провинций — в краю вечных льдов и жестоких морозов. Огромная ледяная стена, подобно древнему божественному артефакту, рассекала заснеженное плато надвое. Она уходила за горизонт и скрывалась в пучинах Ледовитого океана.

Именно там они и встретились — среди бескрайней белой пустыни.

За стеной простирались заснеженные хребты и Лес Демонического Покрова. Оттуда регулярно совершали набеги жестокие ракшасы. До того как Князь Ци возглавил гарнизон Цзилина, приграничные жители терпели невыносимые бедствия. Но с тех пор как он встал на защиту границ, ни один демон не сумел перешагнуть Ледяную стену.

Тем временем старый император тяжело занемог. Принцы развязали кровавую грызню за престол. Пусть Фэн Дунъюэ и не проявлял государственных амбиций, за ним стояла сотысячная армия. Братья опасались его и страстно желали переманить на свою сторону.

А кто не желал подчиняться, подлежал уничтожению.

Несмотря на совершенное владение боевыми искусствами, от подлого удара в спину уберечься трудно. Заманив ракшасов глубоко в Лес Демонического Покрова, Дунъюэ попал в засаду. Спасая подчинённых, он принял на себя отравленный клин демонов и, едва прорубив путь к свободе, сорвался в ущелье.

На этом моменте Фэн Дунъюэ остановился и вновь впился взглядом в Юнь Мэнцзэ:

— Однако сие несчастье стало для меня величайшим благословением.

Юнь Мэнцзэ с пониманием кивнул:

— На дне ущелья тебя поджидал седовласый старец?

Какое же падение с кручи без классического штампа? Либо древний фолиант с эликсирами найдешь, либо обезумевшего деда, мечтающего перед смертью перелить свою жизненную силу.

Фэн Дунъюэ лишь едва заметно усмехнулся:

— На дне ущелья меня подобрал ты.

— Вот как, — протянул Юнь Мэнцзэ. — Похоже, я у нас по части сбора мусора?

По сценарию, рождённому в воспалённом сознании Фэн Дунъюэ, Юнь Мэнцзэ был заклинателем из процветающей секты. Вместе с соратниками он отправился в странствие, продавая снадобья и исцеляя больных. Узнав о бедствиях жителей Цзилина, пострадавших от демонической моровой язвы, он спешил на помощь.

В своей обители Мэнцзэ постигал искусство врачевания и алхимии. Боец из него был никудышный, зато в создании снадобий и врачевании ему не было равных. Собирая редкие травы в заснеженном ущелье, он и наткнулся на истекающего кровью Князя Ци.

Дни, проведённые в тихом городке во время исцеления, стали лучшим воспоминанием в жизни Фэн Дунъюэ. Очнувшись и впервые увидав перед собой Юнь Мэнцзэ — аскетичного, окружённого аурой праведности, — он принялся считать его сошедшим на землю небожителем.

Вместе они отправились на поиски источника моровой язвы. Преодолев немало смертельных опасностей, они сблизились. Вскоре выяснилось, что в глубине снежных гор сокрыта древняя формация, открывавшая врата демонам, а нити заговора тянулись в самую столицу.

Благодаря помощи Мэнцзэ, Фэн Дунъюэ разрушил ритуал, вернулся в столицу, исцелил смертельно больного государя и снискал высочайшую милость.

Затем последовала череда хитроумных интриг: Дунъюэ разоблачил первого принца, ставившего правителя с подданными, и уничтожил тёмного даоса, стоявшего за заговором. Побочный сын переиграл всех и стал главным претендентом на престол.

Фэн Дунъюэ крепко сжал ладонь Юнь Мэнцзэ:

— Без тебя я бы не справился. Я планировал сыграть свадьбу накануне коронации, на весь мир объявить тебя своим супругом. Покои и венчальные наряды были готовы... Но ты сбежал. Я знаю, ты возненавидел меня за то, что я силком взял тебя в ту ночь... Однако без тебя этот трон и вся империя для меня лишены всякого смысла!

Юнь Мэнцзэ онемел.

Силком взял?! Кто вообще занимался с тобой «этим»?!

История изобиловала штампами: тут тебе и детектив, и любовный роман между заклинателями, и борьба за престол, и страдания, и морозные пустоши, и жаркая брачная ночь. Присутствующие замерли с открытыми ртами, кажется, напрочь уверовав в услышанное.

Сидевший подле Дунъюэ Дин Юй — местный любитель поваляться тюленем — с отрешённым лицом строчил в блокноте. Обитатель маски Кумамона заглянул через его плечо. В строчках значилось:

* «Властный князь и очаровательный божественный лекарь. В тот день он спас его жизнь, в тот день он влюбился... Он скрывал свой титул, чтобы скитаться с ним по Поднебесной; он раскрыл себя, чтобы уберечь возлюбленного... В ту ночь лекарь не отверг его, в ту ночь он причинил ему боль... Он считал его братом, а тот покусился на его...»*

Юнь Мэнцзэ вздохнул и заговорил с мягкой, но твёрдой врачебной интонацией:

— Склонность к уходу в фантазии и построение иллюзорных миров — это защитный механизм, попытка сбежать от реальности. Подобное характерно для диссоциативных, пограничных, истерических и нарциссических расстройств. Осознание своего поведения — первый шаг на пути к исцелению. Примите реальность, Ваше Величество.

Фэн Дунъюэ опешил.

Входившие в фазу обострения пациенты только сейчас осознали: история Дунъюэ — лишь плод бреdivшего разума. Но они все равно прониклись уважением к гиганту: вот уж действительно, главный псих санатория, раз замахнулся на собственного лечащего врача.

Фэн Дунъюэ погрузился в молчание.

В его памяти ожил самый яркий эпизод: они вернулись с заснеженного нагорья в городок, и Дунъюэ абсолютно естественно присел на корточки, чтобы смахнуть наледь с отворотов брюк Мэнцзэ. Подняв глаза, он вдруг осознал: будучи гордым властелином, он никогда ни перед кем не преклонял колен и ни на кого не смотрел снизу вверх.

Он привык свысока взирать на мир и помыкать людьми. Но в то мгновение, глядя на трогательно зардевшиеся щёки Мэнцзэ, он ощутил лишь непреодолимое желание беречь этого человека до конца своих дней.

Тогда гордость не позволила ему признаться. А теперь...

Юнь Мэнцзэ смотрел на него с чистым, профессиональным состраданием, инстинктивно отстраняясь от любого прикосновения. В груди Фэн Дунъюэ разлилась жгучая горечь.

Но кто он такой? Разве может Бог Войны признать свое поражение?

— Я не позволяю тебе забывать меня! — чеканя каждое слово, гаркнул Дунъюэ.

Его породистое лицо с точеными чертами исказилось от бушевавших внутри чувств. Голос звучал до того властно, что сидевшие вокруг пациенты еле удерживали визг. Лишь Юнь Мэнцзэ остался безучастен:

— У вас расстройство, господин Фэн. И его нужно лечить.

Дунъюэ едва не сорвался. Неужели он был недостаточно хорош? Неужели всё их прошлое перечёркнуто?

Его пламенная страсть разбилась о ледяную стену равнодушия. Почувствовав себя никчёмнее дворового пса, Дунъюэ внезапно горько и безумно расхохотался:

— Раз так... я заставлю твоё тело вспомнить! Вспомнить, как ты рыдал подо мной, как шептал «не надо», хотя твоё тело жаждало продолжения, как ты сам...

— Замолчите, — отрезал Юнь Мэнцзэ.

Дунъюэ действительно замолк, но, пылая яростью, подался вперёд, намереваясь вонзиться губами в губы врача.

Гуань Тун зажмурился, подглядывая сквозь растопыренные пальцы. Кумамон засунул руку в головной убор, чтобы прикрыть рот, а Чжан Хуанью судорожно затряс ногой. Все замерли, кроме «ходячего трупа», которому было наплевать на всё живое.

Юнь Мэнцзэ ощутил тяжёлый натиск и уже нащупал пальцем кнопку тревожной сигнализации на пейджере.

Но за мгновение до того, как их губы соприкоснулись, Фэн Дунъюэ замер.

Напряжение в воздухе достигло предела.

Взгляд Дунъюэ, только что пылавший диким огнём, мгновенно потух. Дикая аристократическая спесь и ярость испарились без следа.

— Господин Фэн?.. — осторожно позвал Юнь Мэнцзэ.

— Не бойся, это я, — тихо ответил Фэн Дунъюэ.

Он медленно разжал пальцы, освобождая талию врача, аккуратно поправил воротник своей рубашки и с невозмутимым видом вернулся на своё место за столом.

Гуань Тун жувал кончик собственного хвостика, мысленно вопя: * «А-а-а! Где отряд по насильственному сближению?! Ну же, целуйтесь!»*

Чжан Хуанью мысленно крушил всё вокруг: * «Я уже приготовился к зрелищу, а ты сдулся?! Где твоя мощь, Бог Войны?!»*

Цинь Шаньсюэ прожгла его взглядом: * «Подтяни штаны, баран, твои немецкие колбаски сейчас вывалятся».*

Атмосфера в комнате пропиталась сумасшедшими ментальными флюидами.

Фэн Дунъюэ оставался абсолютно холоден. Помешанный аристократ уступил место безупречно вежливому и отстранённому пациенту.

— Прошу прощения, господа. Нарочно причинил вам неудобства, — светски произнёс он.

Юнь Мэнцзэ перевёл дыхание. Мышцы немного расслабились.

Гуань Тун, всё ещё жуя волосы, пробормотал:

— Да что у тебя за диагноз-то такой?.. Эротомания? Диссоциативное расстройство идентичности?

— Кто знает, — небрежно бросил Дунъюэ.

Он бросил взгляд на исписанный листок в блокноте Дин Юя, хладнокровно вырвал эту постыдную страницу и буквально за пару секунд свернул из неё бумажного льва. Поставив фигурку перед Юнь Мэнцзэ, он произнёс:

— Доктор Юнь, я бы хотел сменить лечащего врача. Что скажете?

<http://bllate.org/book/20119/1991967>